

ДВА МИФА О СТАЛИНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ — ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ (ВЛ. ВОЙНОВИЧ, Д. АНДРЕЕВ)

Ирина Захариева (София)

Абстракт:

Проанализированы два мифа о Сталине, выделенные нами в Главных книгах Вл. Войновича и Д. Андреева. Выводы автора: миф о рождении Сталина относится к ряду «тотемических мифов» (Вл. Войнович), а миф о посмертной судьбе диктатора – это метаисторический миф с использованием евангельских текстов (Д. Андреев). В обоих случаях показано наполнение мифологических структур социальной конкретикой.

Ключевые слова: мифологическая структура, тотемический миф, гибрид, метаисторический миф, евангельские тексты, человекобог, демон, социальная ложь.

Abstract:

Two Myths about Stalin in the Literary Works by His Contemporary Writers (Vl. Voinovich, D. Andreev)

The article analyses two myths about Stalin, depicted in the main Vl. Voinovich's and D. Andreev's books. The author says, that the myth of Stalin's birth is a kind of „totemic myths“ (Vl. Voinovich), but the myth about the after-death dictator's destiny is a meta-historical myth with the use of gospel texts (D. Andreev). The fulness with mythologic structures is shown in the both cases.

Key words: Mythological structure, totemic myth, hybrid, metahistorical myth, gospel texts, man-God, social lie.

В прозе, создаваемой на российской почве, в течение всего советского периода трудились писатели, для которых единственно возможным был фактор *истины* в искусстве. Доступными им способами они уберегали свои произведения от неукоснительных предпечатных требований догматизированного *соцреализма* (чаще всего отказываясь от публикаций) и продолжали сохранять верность принципам подлинного *реализма*, органично сочетавшегося с условными формами. Притом реализм получал в их писаниях расширительное понимание – как *природа искусства*. Условные формы активизировались во времена испытаний для культуры: авторы мифологизировали действительность, *просвечивая* ее тем самым под знаком собственной кри-

тической оценки. Годы подряд подобные произведения оставались недоступными для читателей.

Один из прозаиков, не склонных к компромиссам, ныне здравствующий *Владимир Войнович* (род. в 1932 г.), в 1963 году приступил к созданию своего главного произведения «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Роман в трех книгах занял у автора без малого столетие времени.

Поиски жанровой аналогии отсылают нас во вторую половину XVIII века, когда осуществлялась стихийная демократизация литературного процесса. С закатом классицизма и утверждением сентиментализма (вместе с сопутствующими новому направлению тенденциями предромантизма и предреализма) создавались предпосылки для развития повествовательной прозы, адресованной массовому читателю. В книгах словоохотливых авторов, предлагавших интригующее сюжетное повествование, мифологические и фольклорные элементы смешивались с бытовым нарративом. Показателен в этом смысле опыт прозаика Федора Эмина с его авантурным романом «Непостоянная фортуна, или похождение Мирамонда». Роман Войновича уже своим заглавием создавал прямую перекличку с прерванными литературными традициями.

Заслуживает внимания жизненный опыт писателя, отраженный в его автобиографической заметке и ряде автокомментариев.¹ Долгое время он занимался физическим трудом в российской провинции – в Куйбышевской и Волгоградской областях, на Ставрополье, в Керчи и др. Работал слесарем, авиамехаником, железнодорожником. Прослужил четыре года в Советской Армии. Учился «урывками»: несколько лет посещал вечернюю школу рабочей молодежи, полтора года проучился в Московском областном пединституте им Н. К. Крупской. Начал печататься в 1960-х годах в журнале «Новый мир» Александра Твардовского. Двенадцать лет состоял в Союзе советских писателей. Писал стихи, рассказы, повести, пьесы.

Роман «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» появился в печати на русском языке в Париже, в издательстве YMCA-PRESS. Книга первая. Лицо неприкосновенное (1975); Книга вторая. Претендент на престол (1979). С этого времени книга начала влиять на судьбу автора. Она была переведена на тридцать иностранных языков, экранизирована в Лондоне чешским режиссером Иржи Менцелем (1994). Благодаря роману о Чонкине «автор был избран в Баварскую академию изящных искусств, принят в международный Пенклуб, объявлен почетным членом аме-

¹ ВОЙНОВИЧ, В.: Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина, книги I, II. Москва 1990, с. 5–6 («О себе»). ВОЙНОВИЧ, В.: Антология сатиры и юмора России XX века. Москва, 2000. Полный автобиографический очерк, с. 11–12.

риканского Общества Марка Твена, исключен из Союза писателей СССР (1974), изгнан из Советского Союза (1980) и лишен советского гражданства (1981)». Роман включен в серию «Европейские классики» (издательство Northwestern University Press, Evanston, Illinois, 1995).

Десять лет Войнович провел в эмиграции на Западе, а на рубеже 1980-х –1990-х годов вернулся на родину. Третья книга романа («Перемещенное лицо») создавалась в 2007 году, когда прошлое советского общества представило ныне живущим с определенной дистанции во времени. В *Предисловии* писатель отметил: «...написав первые две книги, чувствовал, что не имею права умереть, не закончив третью».² В этой книге *выстраивается* миф о Сталине.

Первые две книги «Чонкина» можно рассматривать как *подступ* к мифу. Изображено время накануне и в начале Отечественной войны. Анекдотический сюжет разворачивается в глубине России, в деревне Красное, где солдат Иван Чонкин (малорослый и кривоногий, но любимый автором за неподдельность) оставлен охранять поврежденный самолет, т.е. исполняет функции часового, а во второй книге оказывается подследственным по подозрению в том, что является вражеским шпионом и тайным претендентом на российский престол князем Голицыным. В атмосфере шпиономании в государстве сюжет не претендует на оригинальность. В дальнейшем легенда насчет князя Голицына опровергается появлением самого персонажа с его жизненной историей.

Основной сюжетный мотив, служащий *истоком* мифа, связан с деятельностью деревенского селекционера Кузьмы Гладышева, занятого выведением гибрида (в духе официально прославляемых опытов Мичурина). Селекционер-самородок скрещивает картофель с помидором и выводит гибрид ПУКС («Путь к социализму»). Затем, в условиях фашистской оккупации тех мест, гибрид переименован экспериментатором в ПУКНАС («Путь к национал-социализму»). Рассказывается также невероятное событие, случившееся с кастрированным колхозным конем по кличке Осоавиахим, который (на грани сна и яви в сознании Гладышева) превратился в человека и сбежал, оставив записку: «Если погибну, прошу считать коммунистом». Эпизод с *очеловечившимся* конем – мотив мифологической темы; в дальнейшем он получит свое развитие. Вместе с тем *удивительное* происшествие иллюстрирует лозунги сталинского времени типа «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» (из массовой советской песни).

² ВОЙНОВИЧ, В.: Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Книга III. Перемещенное лицо. Москва 2009, с. 9. В дальнейшем цитаты из указанной книги даются в тексте с обозначением страницы.

В третьей книге эпически развитого нарратива романый герой Иван Чонкин, вышедший невредимым (как одноименный герой народной сказки) из всех злоключений военных лет, оказывается в Германии, в советской зоне оккупации. Там он снова попадает на тюремные нары (на этот раз за «самовольство» и за несанкционированный контакт с местным населением).

В трехчастной композиции романа мы выделяем часть вторую, названную «Превращения». Наименование ассоциируется с заглавиями книг литературы древнего Рима. Подразумеваются такие произведения, как поэма Овидия «Метаморфозы», роман Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел». В упомянутых сочинениях развивалась характерная для античной мифологии тема «превращений».

В третьей книге романа о Чонкине («Перемещенное лицо»), во второй части (глава XII) появляется непосредственно, как эпизодический персонаж, вождь и учитель товарищ Сталин. На даче в местности Кунцево, под Москвой, он беседует со своим гостем Лаврентием Берия. Уделяется внимание психологической кондиции всевластного правителя: «Сталин, как известно, был ужасно жесток, и потому его все боялись, но он боялся еще сильнее, потому что боялся всех»; «...из комнаты, где спало охраняемое лицо, часто был слышен какой-то странный, нечеловеческий, лошадиный, пожалуй, храп, а иногда раздавалось точно уж лошадиное ржание» (с. 123–124).

По мере развития сюжета имя Чонкина-Голицына опять оказывается в поле зрения Сталина под анекдотическим углом зрения (как и в предыдущих книгах), и Берия получает приказ доставить к нему Чонкина в Москву из Германии.

Герою Советского Союза полковнику Сергею Опаликову поручают переправить Чонкина в Москву «на секретном самолете новой конструкции» (с. 143), но Опаликов не оправдывает возложенной на него миссии, – наоборот: самовольно перелетает с Чонкиным в американскую зону оккупации Германии и просит политического убежища.

Американские власти в лице полковника разведки Джорджа Перла пытаются выяснить, кто такой Чонкин и зачем он понадобился Сталину. После разговоров с бесхитростным солдатом выводы Перла непоколебимы: «Чонкин есть Чонкин, простой деревенский парень, ездовой, конюх, и никто больше». Насчет причины вызова его в Москву Иван Чонкин высказывает глубокомысленную догадку: «...может быть, в Кремле нужен кто-то, кто может ухаживать за лошадьми» (с. 156).

Полковнику Перлу предположение Чонкина кажется нелепым, но полковник Опаликов придерживается мнения, что вывод резонный: «Вполне возможно Сталину понадобился квалифицированный конюх, каковым Чонкина можно было с некоторой натяжкой назвать» (с. 156).

Опаликов объявляет Джорджу Перлу, что «желает выступить перед американскими военными и мировой общественностью с сообщением, которое всех поразит». Сообщение «касается загадочного происхождения Иосифа Сталина» (с. 157).

На пресс-конференции с участием западных журналистов и ученых-биологов Опаликов объясняет цель своего побега побуждением исполнить долг: раскрыть тайну, которую ему доверил его дядя (брат матери) ученый-зоолог и этнолог Григорий Гром-Гримэйло. Во время выступления Опаликов не успел поделиться новостью: после стакана воды, поднесенного неизвестно кем злочастному перебежчику, оратор скоропостижно скончался. Автор «Чонкина», выступающий в роли повествователя, сообщает, что гораздо позже из «желтых» западных газет многолетней давности, прочитанных в библиотеке Американского конгресса, он наконец смог самостоятельно проникнуть в тайну, связанную с происхождением советского диктатора.

Проводя изыскания в «архивах Гуверовского института», повествователь находит и письма ученого Гром-Гримэйло. Он надеется, что письма не относятся к разряду возможных подделок, в чем, к примеру, подозревается «Слово о полку Игореве». В контрапункте с вышеупомянутым замечанием от лица автора вводится предположение, что «ненависть к тирану могла толкнуть неизвестного сочинителя на несусветные выдумки» (с. 176). И, независимо от того, правда это или выдумка, автор решается доверить всему миру тайну происхождения вождя мирового пролетариата.

Гром-Гримэйло описан как младший современник и биограф генерала Николая Пржевальского – «известного путешественника, географа, зоолога и естествоиспытателя» (с. 170).

Изложение вставного мифа в романе основывается на материалах Гром-Гримэйло, биографа Николая Пржевальского. Описывая его путешествия по Монголии и Северо-Западному Китаю, биограф выделяет некоторые особенности характера этого человека. Несмотря на дворянское происхождение, он отличался грубостью и деспотизмом; не обращал внимания на женщин, но проявлял интерес к диким животным; оставался равнодушен к литературе и искусству, но любил читать древнегреческие мифы.

Знаменитый зоолог и этнограф, по описанию Гром-Гримэйло, старался вникнуть в «проблемы гибридизации живых организмов». Прежде всего его интересовало, что может получиться из «создания гибрида человека и кого-нибудь из высших млекопитающих, чему и посвятил многие опыты» (с. 177–178).

Мания приоритета отечественной науки в мировом масштабе, породившая (запечатленную и в романе) ироническую поговорку «Россия – родина слонов», нашла свое подтверждение еще в XIX веке, в опыте Пржеваль-

ского, опередившего во времени и по своему дерзновению эксперименты австрийского монаха Менделя, стремившегося всего лишь скрестить «чечевицу с фасолью». Еще слово «генетика» не было введено в научный обиход, а русский естествоиспытатель уже «натуральным образом» пытался «осеменить» животное. В то время «скотоложество» порицалось, и ученый рисковал не только «личной репутацией», но и свободой. Он проводил физиологические эксперименты с «дикой лошадей, которой не зря дал свое имя» (с. 179) – «лошадь Пржевальского».

Свою сожительницу, отловленную из табуна диких коней, ученый назвал Орлицей. «Кобыля женка» в положенный срок одарила его потомством. «Это было обыкновенное человеческое дитя мужского пола, но необычайно густо заросшее шерстью... пальцы ног у него были сросшиеся между собой, а пятки ног – твердыми, ороговевшими» (с. 181). При описании возникает аллюзия с персонажами древнегреческой мифологии *кентаврами* – полулюдьми-полулошадьми, отличавшимися диким, необузданным нравом уроженцев гор.

Ускорю отцу отпрыска предстояла поездка на Кавказ. В грузинском городишке Гори он познакомился с местным сапожником Виссарионом Джугашвили, и за денежную плату – значительную для горийского бедняка – отдал грузину ребенка, якобы «на содержание». На вопрос сапожника об имени мальчика Пржевальский ответил: «Сталион», что по-английски означает «жеребец» (с. 183). Младенец незамедлительно продемонстрировал соответствие своему имени: «... маленький Сталин вдруг взял и дал еще не названному отцу ногой прямо в нос. Да так сильно, что из носа потекла кровавая струйка». На что Виссарион отреагировал: «Прямо зверь какой-то, а не ребенок» (с. 184).

Убийствен вывод романиста – создателя мифа: «Да-да, трудно себе представить, что Сталина родила дикая кобыла, но еще большие сомнения охватывают автора, когда он думает, неужели такое чудовище могло быть выношено обыкновенной человеческой матерью» (с. 185).

Миф о происхождении Сталина в третьей книге романа о Чонкине относится к разряду «тотемических мифов». Но если при закономерном соотношении миф объясняет действительность, то у Войновича находим обратную зависимость: действительность порождает соответствующий миф. Автор воспользовался фактом внешнего сходства Сталина с Пржевальским и фактом пребывания путешественника в Грузии, примерно совпадающим со временем рождения будущего диктатора. Остальное дополнила поистине великолепная фантазия романиста. Свой метод Войнович определил как «гротескный реализм».

Тотемический миф строится на древнейших представлениях о «фантастическом, сверхъестественном родстве» представителей человеческого

рода с различными «тотемами», т.е. «видами животных и растений (реже – явлениями природы или неодушевленными предметами)».³ Фантастический элемент в мифе в нашем случае функционирует в направлении обнаружения в человеческом существе черт дикого животного: подчеркивается безрассудная ярость, *животная жестокость* Сталина. В данном мифе реализуется и явление *оборотничества*, запечатлевающее в увеличительном стекле искусства лицемерное двуличие диктатора, играющего роль доброго и справедливого руководителя. Оборотничество «осмысливается в мифах как противопоставление истинного ложному».⁴

Писатель-духовидец *Даниил Андреев* (1906–1959), узник ГУЛАГ-а, создал *метаисторический* миф о Сталине на евангельской основе.

Миф изложен в одиннадцатой книге сочинения «Роза Мира» (1958), озаглавленной «К метаистории наших дней». В третьей главе («Темный пастырь») выступает могущественный и страшный герой. Его появление обусловлено общественными обстоятельствами.

Он был связан с интернациональной идеологической Доктриной, излагавшей проект революционного преобразования планеты: «Революционная Россия с ее Доктриной была первой в истории носительницей мировой тенденции...».⁵ Тот, кто в течение тридцатилетия ассоциировался с данной российской Доктриной, подготавливался к своей миссии «могущественными силами инфракосмоса» (с. 460). Сталин описывается Андреевым как человеко-орудие «очередного Жругра» (демона великодержавной государственности).

Пользовался он также покровительством темной силы более высокой степени воздействия. Ему оказывал содействие сам Урпарп (планетарный «осуществитель великого демонического плана», с. 465).

Предвестник Антихриста подготавливался в Гашшарве («одном из основных слоев демонического антикосмоса», с. 592). В своей предыдущей инкарнации он был причастен к инквизиции. А затем в течение двух столетий подготавливался демоническим разумом к новому воплощению на земле. Родился он в «бедной верующей семье», но еще подростком «порвал с христианством» (с. 467). Провиденциальные силы пытались спасти его, «предоставив возможность дальнейшего пути в лоне церкви, в сане священника» (пребывание в семинарии, – И. 3.) . Но это было существо, «одержимое импульсом владычества надо всем миром» (с. 467–468). «Объект много-

³ Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах, т. 2. Москва 1988, с. 522.

⁴ Мифы народов мира, т. 2, с. 235.

⁵ АНДРЕЕВ, Д.: Собрание сочинений в трех томах, т. 2. Москва 1995, с. 465. В дальнейшем труд «Роза Мира» цитируется по данному изданию с указанием страницы в тексте.

вековых попечений дьявола примкнул к революционному движению на Кавказе» и освоил Доктрину (учение Маркса, – И. З.), усмотрев в ней подходящую *маску* для своих вождедений.

Даниил Андреев интерпретировал закрепление Сталина у кормила власти в советской России как «генеральную репетицию» к грядущему приходу Антихриста.

Рассматривая портрет вождя кисти художника советской поры Бродского, он ощутил в глазах модели «непроглядную тьму». Во внешнем портрете Сталина Андреев не нашел следов какой-либо одухотворенности и подчеркивал полное отсутствие признаков интеллигентности в руководителе великой державы.

В персоне, трудно постижимой для нормального человеческого разума, писатель выделял *специфическую* гениальность: «темную гениальность тиранствования». Складывалось это качество из «величайшей силы самоутверждения и величайшей жестокости» (с. 471). «Краткий курс истории ВКП(б)», написанный Сталиным, будто бы анонимно, автор «Розы Мира» назвал «новым евангелием» ради прославления самого себя. Человекобог, оперирующий *правильными* фразами, в действительности «был кровожаден как истый демон» (с. 472). Он вел планомерную борьбу с духовностью с целью ее полного истребления и замены идеологизированной квазидуховностью.

После войны социоситуация в зоне владения Сталина обострилась: «воцарилась обстановка, в которой только единицы могли выдержать, не искалечившись психически и морально» (с. 488).

В начале марта 1953 года взяли перевес Провиденциальные силы, призванные прекратить разрушительные действия могущественного тирана, «утратившего последние представления о соотношении вещей и масштабов» (с. 493). Сталин умер. Узурпатор по законам трансфизического бытия попал во власть «блюстителей кармы». Приговор оказался страшным: «спускаемый вниз внедрился в сверхтяжелые магмы и стал погружаться дальше и дальше, на одномерное Дно» (с. 497).

Толкования Андреева не противоречат христианским религиозным воззрениям: в творчески свободной манере автор конкретизирует, дополняет евангельские тексты. В «Розе Мира» он создает особую образную систему и терминологию в метаисторическом духе, а применяемый метод называет *сквозящим реализмом*.

Ему важно подчеркнуть, что Сталин генетически связан с *универсальным космическим злом*.

Сатана (древнеевр. *satana*, рус. *Дьявол*) – антагонист бога, «...существо, воля и действие которого есть центр и источник мирового зла». ⁶ «К Сатане восходит все моральное зло мира». ⁷

В «Евангелии от Иоанна» Иисус Христос обращается к своим отрицателям: «...ищите убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас» (глава VIII, стих 37). ⁸ Далее Сын Божий поясняет, почему *они* опровергают его проповеди: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (глава VIII, стих 44). В «Розе Мира» социальная ложь культивируется лицемерным и двойственным поведением того, кто именуется мудрым вождем. Подразумевается религиозная параллель: «Воинство враждебных человеку духов состоит под властью Сатаны» (т. 2, с. 413). ⁹

Посмертная катастрофа Сталина, его «кармический спуск» (2, 496) находит обоснование в Евангелии от Луки (глава X, стих 18), где Христос говорит ученикам: «Я видел Сатану, спавшего с неба, как молния». ¹⁰ Эта картина соответствует тому, что описывает Андреев: стремительное низвержение вниз останков «жуткого покойника» (2, 496) и его внедрение в одномерное галактическое Дно.

Исключительные по смысловой экспрессивности мифы, включенные в главные книги Владимира Войновича и Даниила Андреева, будут сопровождать в истории мировой культуры зловещее историческое лицо, истребившее десятки миллионов населения своей страны и одновременно пытавшееся играть роль благодетеля человечества. Они останутся наиболее впечатляющим напоминанием о том, какое экзистенциальное зло воплощал бессменный правитель одной шестой части мира. При оправданной жесткости содержания тексты масштабны по замыслу: только свехличность может быть «встроена» в подобные мифы.

Русская литература XX века настолько разнообразна по формам, что, несомненно, в дальнейшем при изучении литературного *массива* потребуются целенаправленное движение от проникновенного анализа образцов творческой практики к теоретическим обобщениям. Нас ожидают не глобальные схемы, а филигранные *рисунки рельефа* этой многострадальной литературы.

⁶ Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах, т. 2. Москва 1988, с. 412.

⁷ Там же, с. 413.

⁸ Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. Канонические. Москва 1968, с. 112.

⁹ Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах, т. 2, с. 113.

¹⁰ Библия, с. 77.

Теоретик символизма Вячеслав Иванов наблюдал, как в российских условиях символистский метод трансформировался *изнутри*: размывание мистики сочеталось в нем с тяготением к реалиям бытия, а обращение к жанру мифа вносило жизненную наполненность в символ: «Мифотворчество возникает на почве символизма реалистического. ... миф – отображение реальностей...».¹¹ Прозаики советской эпохи Даниил Андреев и Владимир Войнович наполняли мифологические структуры социальной конкретикой. Миф, как образно-сюжетная целостность, живет в искусстве самостоятельной жизнью по причине своей связанности с жизненным универсумом и с культурными архетипами.

Имя Сталина продолжает будоражить воображение живущих, потому уместно будет завершить статью о мифах строфой из стихотворения Булата Окуджавы, сына расстрелянного в сталинские времена коммуниста, преданного интересам партии:

Ну что, генералиссимус прекрасный,
Потомки, говоришь, к тебе пристрастны?
Их не уgomонить, не упросить...
Одни тебя мордуют и поносят,
Другие всё малюют, и возносят,
и молятся, и жаждут воскресить.¹²

¹¹ ИВАНОВ, В.: Родное и вселенское. Москва 1994, с. 157 («Реалистический символизм и мифотворчество»).

¹² ОКУДЖАВА, Б.: Замок надежды. Москва 2008, с. 198 («Ну что, генералиссимус прекрасный...»).